

СТЕПАНОВА Т.Л.

Минск, Беларусь

УГЛУБЛЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Açar sözlər: mədəniyyət, əxlaq, cəmiyyət, din, sositum.

Ключевые слова: культура, мораль, общества, религия, социум.

Key words: culture, morality, society, religion, society.

Современная западная цивилизация главной своей ценностью полагает свободу. Не согласиться с этим невозможно, т.к. именно в свободе проявляет себя человеческий дух. В.Соловьев всю мировую историю рассматривал как проявление двух процессов – космогонического и исторического (1, 502). Первый протекал до появления человека, когда природа создавала новые виды, часть из которых уничтожалась, как неудавшийся опыт, другая – трансформировалась, приспособливаясь к новым условиям. Собственно история начинается с появлением человека, причем не как биологического вида, а как человека разумного. Разум вырывает человека из природы, в определенной степени ставит его над ней, дает возможность проявить свою волю, реализовать себя не только в необходимости, но и в свободе. Если на космогоническом этапе единственным творцом была природа, то на историческом человек в определенной мере становится сотворцом, он создает «вторую природу», т.е. культуру, причем собственно природой является культура материальная, культура же духовная есть стремление воспроизвести окружающую действительность в ее закономерности, т.е. в познании.

В современной философской и культурологической литературе насчитывается до 500 определений культуры. Культурология фиксирует внимание на некоторых ее аспектах, философия пытается определить ее роль в

развитии человечества. Наиболее удачным можно считать определение культуры как системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях, информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый опыт (2, 528). Культура выступает как воплощение на определенном этапе развития общества общечеловеческих интересов, выраженных в праве, религии, морали, философии, искусстве (3, 26). Но, как всякая сложноорганизованная система, духовная культура - это система диссипативная, выступающая в различных степенях равновесия – от устойчивой, имеющей иммунитет от разрушительного влияния враждебных данной культуре факторов, до состояния неустойчивого равновесия, при котором любое воздействие на нее оказывает разрушительное действие, грозящее утратой качественной определенности.

Но в любой системе имеется структура, обеспечивающая ее стабильность, саморегуляцию. Это справедливо и для мира духовного, т.е. в культуре, как и в любой другой системе, должен присутствовать элемент, благодаря которому она существует как качественная определенность, и этим элементом является мораль. Подтверждением этого тезиса может служить специфическая особенность морали как формы культуры – если все формы духовной культуры имеют определенное выражение в человеческой деятельности, т.е. люди *занимаются* наукой, искусством, политикой, *осуществляют* религиозные обряды, то заниматься моралью в принципе невозможно. Мораль «растекается» по культуре, является ее стержнем, с ней так или иначе коррелируются все остальные формы. Приводя в соответствие индивидуальную свободную волю человека с требованиями социума, она не дает единичному возобладать над общим. В моральных требованиях проявляет себя природная необходимость, в ней «субъективная воля определяет себя также и как объективная, истинно конкретная воля» (4, 151).

Человечество всегда интуитивно чувствовало это, поэтому одним из проявлений человеческой истории может быть история «принуждения» к морали отдельного индивида. На этапе первобытных отношений это решалось достаточно просто. Первобытная, синкретичная культура выступает в единстве трех форм – религиозной, ценностной (протомораль) и образной (протоискусство). Самое это единство свидетельствует о неразвитости человеческого сознания, неспособного к вербальной передаче накопленного опыта, но уже первые шаги в его развитии приводят к расколу внутри протокультуры. В связи с необходимостью объективного познания мира для его объяснения и преобразования и одновременной его невозможностью, эти задачи (объяснения) берет на себя религия. Но религия объясняет мир не сам по себе, а в его взаимосвязи с человеком. Магия и тотемизм давали субъекту возможность воссоздания единства с окружающей действительностью.

стью, потерянной в результате ее осознания, и избавления от страха перед силами природы. Но эти отношения предполагали определенные правила, следование которым осуществлялось вне ситуации свободного выбора.

Рассматривая первобытное общество, приходишь к выводу об очевидности материалистического истолкования истории, но все же некоторые проявления его жизни объяснить с точки зрения материализма просто невозможно (например, запрет на инцест) Но самая главная сложность, которую никак не объяснить с точки зрения материалистического понимания истории, – это возникновение классового общества. Главной причиной этого исторический материализм считает интерес развития производительных сил, которые, придя в противоречие с имеющими место производственными отношениями, взрывают их, переводя общественный организм на более высокий качественный уровень (5). Но это объясняет необходимость замены одного классового общества на другое в виде замены интереса одного класса на интерес другого, более прогрессивного в историческом плане. Но что в конечном счете определяет интерес развития класса в целом и каждого отдельного его представителя в частности? Принято считать, что это – возвышение потребностей человека и в первую голову потребностей материальных. Но, если основываться только на них как на первотолчке прогресса, то тогда все человечество, где - быстрее, а где – медленнее, должно включиться в этот процесс постепенного повышения производительности труда. Но, если посмотреть на историческую карту мира, то становится очевидным неверность такого предположения. Интерес развития производительных сил, в основании которых лежит возвышение человеческих потребностей, интересен отнюдь не всем народам. Почему? Можно предположить ответ, данный в свое время геодетерминизмом - различные географические условия провоцируют различные темпы развития общества. Но, при том, что все ранние человеческие цивилизации возникли в регионах с благодатным климатом, существуют народы, вышедшие из этих мест, но совершенно не захваченные цивилизационным процессом (цыгане). Можно объяснить рост производительности труда стремлением обезопасить себя от разрушительного воздействия внешнего мира. Но до какой степени? При отсутствии разделения труда производство избыточного продукта бессмысленно. Что, при всех прочих равных условиях, заставляет людей вырастать из самих себя? Сознание, отделившее человека от его первобытных предков, отделило его и от мира. Результатом этого отделения явилось состояние страха. Это было подмечено еще в древности (6, 432-433). Но состояние страха человек не может переносить бесконечно долго. И, чтобы избавиться от него, он либо избавляется от причины, его породившей, т.е. от сознания (недаром от страха сходят с ума), либо воссоздает утраченное единство путем познания мира и своего места в нем. Это не скорый, но единственный возможный выход из

положения, и он должен быть чем-то подкреплён.

Человеческий дух (в данном случае понимаемый как сознание) проявляет себя в свободе. В природе свободы нет – за нее «работает» целесообразность. Но свобода не должна противоречить целесообразности. Чтобы избежать возможного с нею противоречия, ее должно познать, что даже в самом первом приближении может быть сделано нескоро. Создается достаточно трагическая ситуация – материя «разрешилась» духом, он возопиет от ужаса противопоставления себя природе неодолимой, но выйти из этого состояния не может, т.к., реализовывая себя в свободе, он это противопоставление и вытекающий из него страх усугубляет. Чтобы снять остроту положения, материи приходится уподобиться сумчатому – положить свое дитя на дозревание. Т.е. сапиентальность должна реализовывать себя в способности к абстрактному мышлению, выражающемуся в членораздельной речи, первичному познанию мира, но главное проявление родившегося духа – свобода – быть «заблокирован». Каким образом эта блокировка осуществляется?

Ценностное сознание информацию о внешнем мире пропускает сквозь призму выяснения полезности, что с необходимостью заставляло познающий субъект подчиняться объективным законам природы. Расплата за их нарушение наступала достаточно быстро, что даже при невысоком уровне развития абстрактного мышления давало возможность установить взаимосвязь между причиной и следствием. Именно поэтому выбор, который и предполагает свобода, для человека осуществлялся однозначно. «Хочу» или «должно» для него означало одно и то же – выжить. Одновременно «должно» отдельного индивида превосходно уживалось с долженствованием общественным, т.к. ни одно желание человека на этом этапе развития общества не могло реализоваться вне него. Кроме того, совпадали и желания индивидов, поскольку неразвитый, неразделенный труд предполагал и невыделенные потребности. На этапе развития морали как нравов проблема выбора для человека снимается, что переводит свободу в «неявное» состояние, избавляет людей от гнета страха и позволяет постепенно накапливать истины, с помощью которых им удастся с наименьшими потерями вписаться в окружающий мир.

Постепенно наращиваемая производительность общественного труда приводит к появлению прибавочного продукта, и порождает иллюзию независимости человека от природы и уменьшению страха перед ней. Собственно, переход человека из царства необходимости в царство свободы (7, 295) происходит именно на этом этапе – переходе от бесклассового общества к классовому. Ведь именно в силу того, что свобода есть осознанная необходимость, она, стремясь к бесконечности, никогда ее не достигает. А, т.к. 1, 2, 3 ... № + 1 степеней свободы, реализуемой человеком, всегда много меньше

положения, и он должен быть чем-то подкреплён.

Человеческий дух (в данном случае понимаемый как сознание) проявляет себя в свободе. В природе свободы нет – за нее «работает» целесообразность. Но свобода не должна противоречить целесообразности. Чтобы избежать возможного с нею противоречия, ее должно познать, что даже в самом первом приближении может быть сделано нескоро. Создается достаточно трагическая ситуация – материя «разрешилась» духом, он возопиет от ужаса противопоставления себя природе неодухотворенной, но выйти из этого состояния не может, т.к., реализовывая себя в свободе, он это противопоставление и вытекающий из него страх усугубляет. Чтобы снять остроту положения, материи приходится уподобиться сумчатому – положить свое дитя на дозревание. Т.е. сапиентальность должна реализовывать себя в способности к абстрактному мышлению, выражающемуся в членораздельной речи, первичному познанию мира, но главное проявление родившегося духа – свобода – быть «заблокирован». Каким образом эта блокировка осуществляется?

Ценностное сознание информацию о внешнем мире пропускает сквозь призму выяснения полезности, что с необходимостью заставляло познающий субъект подчиняться объективным законам природы. Расплата за их нарушение наступала достаточно быстро, что даже при невысоком уровне развития абстрактного мышления давало возможность установить взаимосвязь между причиной и следствием. Именно поэтому выбор, который и предполагает свобода, для человека осуществлялся однозначно. «Хочу» или «должно» для него означало одно и то же – выжить. Одновременно «должно» отдельного индивида превосходно уживалось с долженствованием общественным, т.к. ни одно желание человека на этом этапе развития общества не могло реализоваться вне него. Кроме того, совпадали и желания индивидов, поскольку неразвитый, неразделенный труд предполагал и невыделенные потребности. На этапе развития морали как нравов проблема выбора для человека снимается, что переводит свободу в «неявное» состояние, избавляет людей от гнета страха и позволяет постепенно накапливать истины, с помощью которых им удастся с наименьшими потерями вписаться в окружающий мир.

Постепенно наращиваемая производительность общественного труда приводит к появлению прибавочного продукта, и порождает иллюзию независимости человека от природы и уменьшению страха перед ней. Собственно, переход человека из царства необходимости в царство свободы (7, 295) происходит именно на этом этапе – переходе от бесклассового общества к классовому. Ведь именно в силу того, что свобода есть осознанная необходимость, она, стремясь к бесконечности, никогда ее не достигает. А, т.к. 1, 2, 3 ... № + 1 степеней свободы, реализуемой человеком, всегда много меньше

бесконечности, то принципиальной разницы между ними нет. Но при этом необходимо иметь в виду, что скачок этот совершается крайне немногочисленным кругом людей, «интеллектуальными пассионариями» (8, 506), или привычнее – гениями. Но, если этот скачок не будет совершен ими, он никогда не будет совершен обществом в целом.

Но что же мы имеем на этом историческом этапе? Разделение общественного труда не только дало человеку почувствовать себя в некоторой степени независимым от природы. Гораздо более важно то, что человек, который доселе был индивидом, отличающимся от других лишь по количественным параметрам, ощутил свою качественную неповторимость. Проснувшаяся индивидуальность позволила человеку ощутить собственные желания. И неожиданно открылось, что его желания не совпадают с желаниями другого, и, что еще печальнее, не совпадают с общественным должным. Иначе говоря, человек наконец-то получил реальную свободу выбора между исключаящими друг друга полюсами – «хочу» и «должно», где должное, сообразованное с объективной закономерностью, выступало как тенденция в развитии духа, а «хочу» тянуло человека назад, в материальный мир. Причем, после выделения из него духовного начала, это был мир, основным законом которого был закон увеличивающейся энтропии. Поэтому-то в большинстве своем «хочу», откровенно противопоставленное должному, есть так или иначе завуалированный порок. И, хотя в обществе господствует закон главенства должного и его нарушение карается со всей суровостью, люди стали достаточно независимы от общества, что давало возможность, ощутив сладость греха, избежать горечи немедленной расплаты. Эту истину достаточно быстро освоили все. Результат - снижение производительности общественного труда, уменьшение прибавочного продукта, и, как итог, - бесславное возвращение в царство необходимости.

Сложившаяся гипотетическая ситуация на первый взгляд хорошо вписывается в историко-материалистическую традицию толкования сути социального прогресса – исчез интерес в развитии производительных сил, а вдохнуть этот интерес могли только новые производственные отношения. Но человек может прибегнуть только к тому, что у него есть. Было же у него немного. Даже недостатки – и те еще не проявились. Зависть и жадность отсутствовали, т.к. отсутствовало неравенство (имущества, таланта). Его интерес в своем развитии определялся одним интересом - выживанием. И если этот интерес удовлетворялся, то никакой другой не возникал. Процесс стагнации общественного производства не приводил к обвальному падению производительности труда. Трудовые навыки были не слишком сложные, и, если учесть, что полностью растерять свои знания и умения человек не может (если исключить внешнее влияние), то время возвращения в исходное состояние может быть если и не бесконечным, то весьма продолжительным.

Общество приходило в равновесие, состояние гомеостаза с окружающим миром, что означало жирную точку, поставленную людьми в своей истории. Они еще люди, но их все более затягивает болото необходимости.

Человечеству, чтобы оправдать свое появление на планете, необходимо было прибегнуть к способу барона Мюнхгаузена – вытащить себя за волосы самому. Выражалось это в том, что следовало направить всю деятельность членов общества в одно русло, выражаемое тем самым «должно», которое перестало быть непреложным законом для всех. Это не означает, что должное перестало существовать. Но каждый стал подчиняться ему лишь в той мере, в которой оно не выступало насилием над его индивидуальностью. Поэтому необходимо было заставить людей отказаться от такого привлекательного, во всех отношениях приятного для них «хочу» в пользу сурового «надо». Таким образом, долженствование, которое на первых порах существования общества совпадало с необходимостью, что дало человеку возможность возвыситься над природой, на следующих этапах его (человеческого) развития, обособившись от интересов каждого отдельно «Я», поставило перед обществом задачу возвыситься «себя над собой». Иначе говоря, людям пришла пора распрощаться с нравами и стать на стезю моральности.

Уже отмечалось, что как только «я хочу» перестало совпадать с «так надо», безусловное подчинение безличностному «надо» стало восприниматься как насилие над отделившимся «я». Выше было отмечено, что в своем развитии человек может опираться только на то, что реально имеет быть. А имеют быть нормальные природные инстинкты. Что же могло заставить его вырваться из тисков собственной естественной потребности? Только одно – страх. Человечество уже настолько окрепло, что стало в состоянии перенести вызываемый им шок, и поэтому страх из неявного, обморочного состояния перешел в осознаваемое, переживаемое не обществом вообще, а каждым конкретным его членом. Люди выросли настолько, что позволили себе бояться. Чего? Как и прежде – окружающего мира. Но уже появился пусть не очень надежный, но все же спасающий от стихии бастион второй природы, материальной культуры, и это давало ему возможность ощутить некоторую безопасность. Главный же страх, который испытывает индивид, осознавший свое «я», есть страх это «Я» потерять, и это страх, который укореняется в человеческое сознание навсегда. Но это не просто та боязнь смерти, с которой так изящно расправился Эпикур (6, 433). Это боязнь смерти как неизвестного, неведомого, темного, это ужас, который испытывает «Я» перед «Ничто». По сути это тот же страх, который испытывал вчерашний зверь, ставший настоящим «*Homo sapiens*»ом. Поэтому и избавления от него можно достичь тем же путем – перевести в неявное состояние, и достичь этого можно следующим путем.

Как уже было отмечено, первобытный синкретизм довольно быстро

перестает быть таковым. Но если ценностное и образное познание еще долго будут идти рука об руку (достаточно вспомнить греческое «калокагатия» или русское «благолепие»), то религия «выклеивается» из него значительно раньше. При этом, выполняя основные свои функции, она принимает на себя и обязанности паллиатива познания. Мифологическое сознание, порождающее особую картину мира, является единственно возможным способом представить мир как целостное и, главное, единое начало, господствующее над человеком. То, что мир господствует над человеком, люди принимают как данность. Однако созданная картина мира, объясняя мир, делает его не просто более понятным, но более близким, родным. Мифологическое сознание выдает неизвестное за известное, однако на данном этапе развития человечества это – единственный способ обрести опору и веру в себя. В определенной мере мифологическую картину мира можно представить как гипотетическое, *ad hoc* знание, возникающее при необходимости объяснить нечто, принципиально на данном этапе развития знания необъяснимое. Что из того, что впоследствии вероятностное знание не перерастает в истинное? Свою роль оно уже сыграло, и неплохо. Религия решительно и успешно справляется с теми проблемами, с которыми не в состоянии справиться объективное познание, и они, при всей своей антагонистичности, идут рука об руку, - религия чутко улавливает неразрешимые проблемы, возникшие в познании, наука идет по другому пути, однако из уже обозначенной точки. Т.е. в период варварства мифология существует в рамках религии как достаточно автономная форма культуры.

Но вернемся к вопросу о страхе и необходимости переведения его в «неявное» состояние. Для этого первоначально надо было объяснить «Ничто», поджидающее человека за порогом жизни, доступными сознанию категориями. Религия (и мифология) наработали на этом поприще немалый опыт. Но «снятие» страха требовалось не только и не столько для охраны психики индивида, сколько для охраны интересов развития общества. Фактически человеку предлагалась сделка – избавление от страха достигалось путем подчинения интересов индивида интересам социума, т.е. решение выбора между «хочу» и «должно» в пользу должного. Но такая увязка требовала от религии определенной трансформации – отныне на первый план ей нужно было вывести моральную проблематику, оставив гносеологические вопросы как вспомогательные. Т.е. религия должна была стать моральной. Иначе говоря, мораль осуществила свое первое «завоевание».

Подтверждением сказанному служит появление иудаизма. Именно в нем превосходным образом была соединена земная и потусторонняя жизнь. Мир потусторонний, «ничто», источник постоянного страха человека ставился в зависимость от земного прижизненного бытия, т.е. того, каким образом он выполняет не слишком приятные, не всегда понятные требования,

предъявляемые ему социумом. Этим не только снимался страх, но, что гораздо более важно, - человек обретал надежду, которая в этом мире, как он уже успел убедиться, была абсолютно бессмысленна. Т.е. напрашивается вывод – чтобы обретенная людьми в борьбе с природой свобода не превратилась в произвол, ее энергия должна не расплываться на бесчисленные индивидуальные «хочу», а сливаться в единый вектор общего «надо», благодаря чему общество получает возможность совершить скачок на новую ступень в своем развитии. Но достичь этого можно было, лишь используя человеческий страх перед неизбежностью и неизвестностью смерти и играя на желании людей реализовать хотя бы в потустороннем мире свое заветное «хочу», при этом желания максимально возможно облагораживались, становились более человеческими, уводящими людей от их звериных предков. Только это могло заставить нормального свободного человека принять те новые производственные отношения, которые, выступая насилием над ним, требовались интересам развития производительных сил. То, что новая общественно-экономическая формация, рабовладение, которая в средиземноморских цивилизациях была представлена Шумерами, Ассирией, Урарту, древними Египтом и Грецией и т.д., не сопровождалась появлением моральной религии, а иудаизм был детищем очень небольшого, к тому же четко не определившимся в формационном плане народа, находившемся в состоянии своеобразного «патриархального рабства», не противоречит сказанному. Цивилизации передней Азии чрезвычайно разнообразны, но их роднит одно - одинаковое решение выбора между индивидуальными желаниями и общественными требованиями. С разной степенью очевидности, но все они ориентируются на выбор собственного «хочу». Верхушка общества, имевшая возможность осуществить выбор, сообразующийся с собственными желаниями, прекрасно осознавала, что возможности его осуществления могли иметь место только при полном подчинении остальной части социума их интересам. Но такой контраст между возможностями реализации индивидуальных требований у различных членов общества с неизбежностью приводит к тому, что оно перестает быть единым целым, и удержать его в единстве можно только с помощью страха. Но не того, идущего изнутри страха, который использует моральная религия, и избавление от которого возможно подчинением своих интересов общественным, т.е. подчинением моральным заповедям, но животного, непродуктивного страха, постоянно поддерживаемого внешней жестокой силой, создающей у человека ощущение бессмысленности и бесцельности своего существования. Достаточно было малейшей трещинки в цепи внешнего принуждения к такого рода совместному бытию, чтобы общество распалось. То, что эти цивилизации оказались зафиксированными в истории и повлияли на нашу культуру, явилось результатом того, что они оказались рядом с магистральными путями развития человечества.

Древняя Греция решила этот выбор в пользу должного. Однако отвоеванная у природы толика свободы была распределена между членами общества крайне неравномерно – свободные греки акцептировали ее у большинства, т.е. рабов. Несвобода большинства априори отрицала возможность совершенствования социума. Намного опередив свою эпоху в духовном развитии, они попали в исторический тупик, т.к. для дальнейшего развития необходимо было не только удачно выбрать стимул моральности, но и равномерно распределить отвоеванную у природы свободу. Что и наблюдается у древних евреев, которым принадлежит честь открытия первой моральной религии, явившейся матерью всех остальных. Однако иудаизм мог удовлетворить цивилизационные потребности замкнутого небольшого общества. Будучи религией закона (9), он изначально ограничивал свободу выбора, и не способен был дать толчок к развитию открытым, сориентированным на свободу обществам. Такой возможностью обладала религия, еще более насыщенная моральным содержанием – религия благодати (9), любви – христианство.

Выводы, вытекающие из данной статьи, заключаются в том, что для развития общества, что, по сути, есть развитие культуры, необходимо, чтобы все его формы не просто коррелировались с моралью, но выражали моральный смысл. Именно подчинение моралью такой формы культуры, как религия, дало возможность обществу вырваться из царства необходимости в царство свободы. Но это, в свою очередь, означает и то, что потеря такого смысла грозит обществу распадом. Это особенно актуально для обществ, сделавших свободу основным условием своего существования, т.к. вне морали свобода может превратиться в произвол, прийти к собственному противоречию и привести социум в состояние неразрешаемого кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев, Вл. Смысл любви // Вл. Соловьев. // Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. - 822с.
2. Степин В.С. Культура // Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003. С.524 .
3. Согомонов Ю. Введение в понятие нравственная культура // Нравственная культура. Сущность. Содержание. Специфика.- Вильнюс: Университетское, 1985. С.3-25.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. Маркс К. Капитал // К.Маркс. Капитал. // Соч. В 3-х т. Т.1. М.: Политиздат, 1998. - 907 с.
6. Лаэртский, Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф.Энгельс. – М.: Политиздат, 1993. – 483 с.
8. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. /

Л.Н.Гумилев. - М.: Экопрос,1993. – 544 с.

9. Илларион, митрополит Киевский // Златоструй // под ред Волкова Г.Н., Володина Э.Ф. - М.: Молодая гвардия, 1990. – С.106-121.

XÜLASƏ

Məqalədə məqsəd ibtidaidən sinfi münasibətlərə keçid nümunəsində əxlaqın mədəniyyət sistemində yeri və onun cəmiyyətin inkişafında rolunu göstərməkdir. Müəllif sübut edir ki, səmavi din kimi mədəniyyət formasına əxlaqın tabe etdirilməsi, solumun mütərəqqi inkişafını təmin edir. Mədəniyyətdə belə dönüş etməyən cəmiyyət tarixi magistral yoldan kənarlaşmış olur.

SUMMARY

In this article the aim is to show the place of morality in the culture system and its role in the development of society by the example of the transition from the primitive class relations. The author argues that only the subordination of morality of this form of culture, religion, the creation of a monotheistic, moral religion enable the progressive development of society. The Company is not committed such a change in culture, are discarded from the main historical path.